

ВИАЛЕТТА ВЕРИНА

ПОСЛЕ РАЗВОДА.
БЫВШИЙ РАБОТАЕТ
НА МЕНЯ

Виолетта Весна

После развода. БЫВШИЙ работает на меня

<https://litres.ru/74222202>

SelfPub; 2026

Аннотация

Наш брак разрушила не измена. Четыре года назад Михаил выдал мой антикризисный план за работу своей команды, решив, что спасенные рабочие места оправдывают ложь. Я ушла с завода, а потом — от него.

Теперь мне сорок два, и я вернулась временным генеральным директором. У меня сорок пять дней, чтобы спасти предприятие от продажи. Только главный инженер — мой бывший муж, а первая же проверка обнаруживает опасный дефект, семьдесят восемь миллионов долга и подмену в документах.

Чтобы сохранить завод и сотни рабочих мест, нам придется снова стать командой. Но доверять Михаилу я смогу лишь тогда, когда он научится говорить правду до того, как решит все за меня.

А если второй шанс нужен не прежнему браку, а двум людям, которые наконец готовы строить отношения по другим правилам?

Содержание

ГЛАВА 1. Новый директор	4
ГЛАВА 2. Партия под запретом	18
ГЛАВА 3. Двадцать комплектов	32
ГЛАВА 4. Ликвидатор	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Виолетта Весна

После развода. Бывший работает на меня

ГЛАВА 1. Новый директор

Турникет не открылся с третьей попытки.

Я приложила карточку еще раз, дождалась короткого сигнала и посмотрела на охранника. Он сидел за стеклом в той же будке, где семнадцать лет назад впервые записал мою фамилию в журнал посетителей. Сегодня меня назначали генеральным директором завода, но система доступа об этом пока не знала.

— Сейчас поправим, Ирина Сергеевна, — сказал охранник, поднявшись к монитору. — В приказе вы есть. В базе должность старая осталась.

— Исправьте после смены. Пока пропустите как посетителя.

Он разблокировал турникет. На проходной пахло после утренней уборки. За окнами было жарко, хотя часы показывали половину восьмого.

Я вышла во двор и оценила изменения. Новая вывеска «Арктон» закрывала старое название механического завода.

На фасаде административного корпуса заменили окна. Между третьим и четвертым цехами исчез старый крытый переход.

Остальное я узнавала без усилия: стертую разметку у склада, пар над котельной, металлический гул за воротами. Здесь прошло шестнадцать лет моей жизни. Еще год после увольнения я просыпалась в шесть двадцать, хотя могла приезжать в новый офис к девяти.

Теперь у меня было сорок пять дней, чтобы решить, останется ли завод на этом месте.

Представитель холдинга ждал меня в кабинете прежнего директора. Глеб Соколов сидел у окна и листал распечатку. Мы виделись на переговорах в Москве. Он задавал вопросы только о сроках и стоимости, поэтому нравился мне больше большинства людей, называвших себя стратегами.

— Доброе утро, — сказал он. — Дорога?

— Тридцать семь минут. Если первая смена заканчивается в шестнадцать, вечером будет дольше.

— Узнаю антикризисного управляющего. Все переводит в ресурс.

— Время и есть ресурс, когда банк дал нам полтора месяца.

На столе лежали два экземпляра трудового договора, решение совета и приложение с полномочиями. Я перечитала их накануне, но снова открыла раздел о конфликте интересов.

— Комитет по решениям в отношении главного инженера сформирован?

Соколов снял очки.

— Да. Я, Оксана Редько и представитель собственника, который не связан с заводом. Ваша прежняя семейная связь отражена в протоколе. Премия, взыскание, увольнение и повышение Власова проходят через нас.

Фамилия была моей. После развода я ее сохранила: под ней меня знали клиенты, ее носила Ася, а менять паспорт и все профессиональные документы ради красивого жеста я не собиралась. Услышать «Власова» применительно к Михаилу оказалось легче, чем я ожидала. Наверное, потому, что последние три года мы общались достаточно часто, чтобы фамилия перестала быть поводом для внутреннего спора.

— Текущие распоряжения по производству остаются в моих полномочиях?

— Разумеется. Только фиксируйте основания. Совет не хочет получить иск о личной мести, если вы приостановите его работу.

— Совет не получит иска, если документы будут оформлены правильно.

— А если он даст вам повод?

— Тогда документы тем более будут оформлены правильно.

Соколов усмехнулся и подвинул договор. Я подписала оба экземпляра. Срок начинался сегодня, восемнадцатого авгу-

ста, и заканчивался первого октября. Мое вознаграждение состояло из фиксированной части и премии за утвержденную реструктуризацию. Продажа площадки тоже считалась выполнением задания, но премия в этом случае была меньше. Полезная деталь: собственник не притворялся, будто ценит завод выше земли под ним.

— Сколько денег на счетах? — спросила я.

— На утро семь миллионов двести. Зарплата задержана на двенадцать дней, до полного погашения нужно девятнадцать с половиной миллионов. Налоговые платежи проведены. Поставщики требуют предоплату. «Меридиан» ждет первую приемку двадцать шестого сентября.

— Акт сверки с банком?

— В папке. Семьдесят восемь миллионов основного долга. Нарушение ковенанта даст им право потребовать всю сумму досрочно.

— Они уже знают о задержке контракта?

— Знают, что есть риск. О реле пока нет.

Я закрыла договор.

— Что именно с реле?

Соколов посмотрел на часы.

— Через двадцать минут техническое совещание. Пусть главный инженер объяснит сам.

— Вы знали о проблеме до моего назначения?

— В общих чертах. Вчера вечером пришел отчет службы качества. Температура выше нормы после длительной на-

грузки, одна установка отключилась на стенде. Серийный масштаб неизвестен.

— Отгрузку остановили?

— Не было решения директора.

— А прежний директор?

— Освобожден в пятницу. Вы согласились выйти в понедельник.

Мне захотелось спросить, почему служба качества не имела права остановить опасную партию сама. Вместо этого я открыла папку и нашла положение о контроле. Право было. Формулировка стояла в пункте 4.7: руководитель службы качества приостанавливает передачу продукции до решения технической комиссии. Ни подписи, ни номера распоряжения рядом не было.

— Кто возглавляет качество?

— Лариса Полякова.

— Пригласите ее на совещание.

— Она уже в списке.

— Хорошо. Тогда начнем на десять минут раньше.

Соколов оценил меня коротким взглядом, собрал бумаги и вышел звонить помощнику. Я осталась одна. Мебель заменили, но окно по-прежнему выходило на сборочный корпус. Раньше я приходила сюда с расчетами и выбирала, какую часть неприятной правды директор способен услышать за одно совещание.

Теперь неприятную правду должны были приносить мне.

Я открыла отчет качества. Испытание шло семь часов сорок минут вместо нормативных двенадцати. Температура корпуса реле превысила допустимую на одиннадцать градусов. После четвертого срабатывания защита отключила шкаф управления. В примечании было указано: «Проверить партию компонента КР-17 нового поставщика».

Ни количества установленных реле, ни номера партии в отчете не было.

Конференц-зал заполнился за пять минут. Начальники подразделений садились привычными группами: производство ближе к двери, финансы у экрана, закупки рядом с прежним директорским местом. Я узнавала половину лиц. Кто-то здоровался сдержанно, кто-то слишком бодро. Нина Фролова, бывший мастер второй смены, теперь носила бейдж начальника сборочного производства. Она кивнула мне и положила на стол потрепанный блокнот.

Михаил вошел последним вместе с начальником ремонтной службы.

Я видела его в июне на выпускном вечере Асиного класса и за неделю до этого у стоматологии, куда мы привезли дочь после неудачного падения с велосипеда. Мы умели находиться рядом, обсуждать врача, экзамены, деньги на поездку и расписание каникул. Но в переговорной «Арктона» он был не отцом Аси и не мужчиной, с которым я прожила четырнадцать лет.

Он был главным инженером, чья служба не остановила от-

грузку после аварийного отключения.

Михаил сел напротив. Седины у висков стало больше, чем весной. На стол он положил планшет и папку с журналом испытаний.

— Начнем, — сказала я. — С этого утра действует приказ о моем назначении. До первого октября мне поручено подготовить решение о сохранении производства либо продаже площадки. Соколов представляет совет и остается на совещании. Сейчас мне нужны факты о неисправности. Лариса Викторовна, почему после отчета качества нет распоряжения о приостановке передачи продукции?

Полякова поправила очки.

— Мы сообщили техническому директору и главному инженеру. Отгрузка по плану только завтра. Решили дожидаться повторного теста.

— Пункт 4.7 дает вам право остановить передачу до комиссии.

— Остановка всей партии без подтверждения обойдется дорого.

— Передача дефектной продукции обойдется дороже. Сколько единиц подготовлено к отгрузке?

Нина открыла блокнот.

— Сорок восемь собраны, на двадцати шести закрыты карты контроля. Еще двенадцать будут готовы к вечеру.

— Реле КР-17 стоят во всех?

Нина посмотрела на Михаила. Тот ответил без паузы:

— По согласованной схеме они должны стоять только в двадцати пилотных шкафах. Фактическое количество сейчас сверяем.

— Когда начали сверять?

— В субботу.

— Почему в отчете, который совет получил вчера вечером, нет этой информации?

— В субботу склад был закрыт. Электронные остатки расходятся с картами выдачи. Я хотел получить точное число до доклада.

Его спокойствие не изменилось. Раньше я считала его достоинством: Михаил не повышал голос во время аварии, не перекладывал ответственность на человека рядом. Позже поняла, что тем же спокойствием он прикрывал решения, которые уже принял за других.

— Вы знали о возможном превышении пилотной партии в субботу?

— Да.

— Сегодня понедельник.

— Поэтому полная инвентаризация назначена на восемь тридцать.

— А отгрузка до сих пор не остановлена.

— Ее можно остановить сейчас. До машины остается больше суток.

— Ее следовало остановить в субботу.

Павел Нечаев из закупок отодвинул стакан воды.

— Ирина Сергеевна, пока речь об одном отказе. Поставщик дал сертификаты, реле прошли входной контроль. Если мы объявим дефект до повторного испытания, они снимут с себя ответственность за монтаж.

— Сколько реле вы купили?

— По годовому договору триста двадцать.

В комнате стало тихо, но мне не требовалось это подчеркивать. Достаточно было увидеть, как Нина перестала листать блокнот.

— Михаил Андреевич, — сказала я, — вы согласовали пилот из двадцати комплектов?

— Да.

— Павел Игоревич, на каком основании закупили триста двадцать?

— Цена действовала только на объем. Пилот не отменял рамочную закупку.

— Где сейчас эти реле?

— Часть на складе, часть передана в производство.

— Сколько именно?

— Для этого и нужна сверка.

Я посмотрела на Соколова. Он ничего не записывал и не вмешивался. Такой наблюдатель был удобен: он не мешал людям отвечать и запоминал, кто первым перестал владеть цифрами.

— Отгрузку партии «Меридиана» приостанавливаю до решения технической комиссии, — сказала я. — Приказ

подготовить к девяти тридцати. Склад комплектующих опечатать в присутствии качества, закупок и представителя производства. Не в смысле закрыть доступ к остальным деталям: выделить зону КР-17, снять остатки и оформить акт. Электронную базу сохранить в текущем виде, никаких исправлений до выгрузки копии.

Нечаев выпрямился.

— Это фактически обвинение закупок.

— Это сохранение данных. Обвинение начинается после фактов.

— Производство встанет.

— На два часа встанет участок шкафов управления. Остальные операции продолжаются. Нина Сергеевна, сможете перестроить задания?

— Сможем. Но если замена касается всей партии, двух часов нам не хватит.

— Тогда после инвентаризации посчитаем реальный срок.

Я повернулась к Михаилу.

— Повторный тест уже подготовлен?

— Камера свободна. Шкаф с реле той же партии установлен. Можем начать через пятнадцать минут.

— Я буду присутствовать.

— Испытание продлится двенадцать часов.

— Я не собираюсь стоять в камере двенадцать часов. Мне нужны начало, контрольные точки и доступ к журналу в реальном времени.

В его лице на секунду появилось выражение, которое я знала слишком хорошо: желание ответить иначе и принятое решение промолчать. Но Михаил только кивнул.

— Доступ оформим.

Следующие полчаса ушли на просроченную зарплату и план выпуска. Я не обещала погасить задолженность к вечеру. Сказала, что к среде представлю график, а сегодня встречу с профсоюзом. Тамара Шихова записала дату и спросила, будет ли допущена к расчетам.

— К тем, которые касаются фонда оплаты труда и численности, — ответила я. — Коммерческие условия клиента останутся закрытыми в пределах договора.

— Прежний директор тоже обещал прозрачность.

— Поэтому я назвала конкретные документы. Если не получите их к среде, скажете об этом людям.

Тамара не улыбнулась, но закрыла тетрадь без нового вопроса.

После совещания Михаил задержался у двери.

— У тебя есть две минуты? — спросил он.

— Если вопрос рабочий.

— Рабочий.

Люди вышли. Соколов остановился в коридоре, намеренно оставив дверь открытой. Я оценила его предусмотрительность и не стала закрывать.

Михаил положил передо мной копию протокола.

— Здесь мое согласование на двадцать единиц. Оригинал

у качества. В электронной карточке в пятницу стояло двадцать. В субботу я увидел в сборочном плане сто двадцать восемь шкафов с новым кодом.

— И решил сначала проверить сам.

— Да.

— Потому что точные цифры важнее своевременного сообщения?

— Потому что паника без цифр не помогает ремонту.

— Сообщение генеральному директору и службе качества называется не паникой.

— Генерального директора в субботу не было.

— Был совет. Была Полякова. Было право остановки.

Он провел пальцем по краю папки, затем убрал руку.

— Я не спорю с остановкой.

— Ты споришь со временем, когда ее следовало сделать.

— Да.

Честный ответ раздосадовал сильнее оправдания. С Михаилом всегда было так: он мог признать часть вины точно и вовремя, оставляя за собой право повторить сам поступок.

— До конца дня мне нужен список всех, кто имел доступ к коду комплектующего, — сказала я. — И журнал изменений сборочного плана.

— Будет.

— Любая новая информация по дефекту поступает мне сразу. Даже неполная. Отдельно указываешь, что проверено, а что предположение.

— Понял.

— Это распоряжение, Михаил Андреевич.

Он встретил мой взгляд.

— Понял, Ирина Сергеевна.

Мы вместе дошли до испытательной камеры. По пути он не пытался говорить о прошлом, Асе или моем возвращении. Показывал, где изменили маршрут перемещения готовых шкафов, почему закрыли старый проход и как теперь фиксируют температуру. Я слушала и отмечала, какие решения принимались без денег, а какие требовали затрат, которых на счетах не было.

У камеры нас ждали Полякова и двое инженеров. За стеклом стоял шкаф управления с открытой передней панелью. Провода были закреплены, датчики выведены на монитор. Михаил проверил подписи в карте испытаний, попросил инженера назвать номер реле и только после этого разрешил подать нагрузку.

— Контрольные точки через час, четыре, восемь и двенадцать, — сказал он. — При превышении температуры на пять градусов относительно нормы получаете уведомление. При десяти установка отключается.

— Доступ к исходным данным?

Инженер развернул ноутбук.

— Уже выслан на вашу рабочую почту.

График начал строиться с нижней линии. Реле выглядело обычной серой деталью. Его стоимость в закупке была мень-

ше цены хорошего делового обеда. Триста двадцать таких деталей могли остановить контракт на сто восемьдесят шесть миллионов и оставить без работы четыреста двадцать восемь человек.

Я расписалась в журнале как наблюдатель.

— Продолжайте. Через час жду первую отметку.

Телефон Михаила завибрировал. Он прочитал сообщение, потом повернул экран ко мне. Нина прислала фотографию акта инвентаризации с предварительной цифрой.

На складе было сто девяносто два реле КР-17.

Если закупили триста двадцать, в производство ушло сто двадцать восемь.

Столько Михаил увидел в сборочном плане в субботу.

— Пилот закончился сто восемь деталей назад, — сказала я.

— Да.

— Теперь выясним, кто решил, что согласование на двадцать означает разрешение на все.

Я посмотрела на график. Температура медленно поднималась в допустимых пределах, и у нас оставалось меньше сорока дней до приемки.

— Следующая отметка через час, — напомнила я инженеру. — А в четырнадцать жду точную раскладку всех ста двадцати восьми реле.

ГЛАВА 2. Партия под запретом

К полудню у меня было три разных количества одной и той же детали.

Закупки подтверждали триста двадцать реле. Склад нашел сто девяносто два. Производственная система показывала выдачу ста двадцати восьми, но в маршрутных картах значились семьдесят четыре. Если бы расхождение касалось коробок с крепежом, я все равно потребовала бы сверку. Для компонента, который отключал шкаф управления, разница в пятьдесят четыре единицы означала, что мы не знали, какие установки можно включать.

Нина собрала учетную группу прямо на участке шкафов. Два кладовщика, мастер смены и специалист качества шли вдоль рядов с планшетами, сверяли серийные номера и приклеивали цветные метки. Зеленая означала старое проверенное реле, желтая — новый компонент КР-17, красная — карта неполная, включение запрещено до проверки.

— Законченные шкафы ставим отдельно, — распорядилась Нина. — Тележки с комплектами тоже считаем. Ничего не переносить между рядами без записи.

Она говорила быстро, но не суежилась. Рабочие отвечали ей без лишних вопросов. Я наблюдала пятнадцать минут и поняла две вещи: Нина знает участок лучше отчетов, которые присылал мне холдинг, и идея передать сборку шкафов

внешнему подрядчику была удобной только на экране финансовой модели.

Признавать ошибку в первый день не требовалось. Требовалось перестать считать ее готовым решением.

— Сколько времени нужно? — спросила я.

— До четырнадцати дадим точную раскладку. Если не станут дергать людей на совещания.

— Не станут. Кто нужен вам из инженерной службы?

— Один человек, который отличит пилотную схему от серийной, не разбирая весь шкаф.

Михаил стоял у испытательного стенда в другом конце участка. Я подозвала его.

— Дайте Нине специалиста на два часа.

— Климова, — ответил он. — Он делал пилотные карты.

— Сам он в проверке участвовал?

— Нет. Создавал схему и передал технологу. К закупке отношения не имеет.

— Пусть идет.

Михаил позвонил инженеру и остался рядом.

— Повторный тест пока в норме, — сказал он. — Четыре часа прошли. Температура на три градуса выше старого реле, до предела далеко.

— Вчера отключение произошло после семи часов сорока минут.

— Поэтому выводов пока нет.

— Я их и не делаю. Когда будет следующая контрольная

точка?

— В четырнадцать.

Он говорил со мной так же, как разговаривал с прежним директором на общих совещаниях. Без личных обращений, без попытки угадать нужный ответ. Это должно было упростить работу. Вместо облегчения я замечала разницу между нынешней сдержанностью и тем Михаилом, который раньше мог войти ко мне без стука, взять со стола ручку и допить остывший чай, пока рассказывал о поломке компрессора.

— Почему маршрутные карты не отражают всю выдачу?
— спросила я.

— Часть реле могли выдать в комплектующие тележки до запуска карты. Так делали, когда склад освобождал место под поставку. Нарушение учета, но не обязательно монтаж.

— Кто разрешал выдавать заранее?

— Начальник закупок согласовывал со складом. Производство принимало комплект по накладной.

— Вы знали о такой практике?

— О предварительной комплектации — да. О КР-17 — нет.

Я отметила ответ в блокноте. Михаил посмотрел на запись, но не спросил, собираюсь ли я использовать ее против него.

— До окончания проверки не выходите из заводской сети с документами, — сказала я. — И предупредите инженеров, что удалять рабочие файлы нельзя.

— Уже предупредил.

— Когда?

— После совещания. Копию распоряжения отправил вам в одиннадцать двенадцать.

Письмо действительно лежало во входящих. Михаил выполнил очевидный шаг, зафиксировал его и оставил мне возможность отменить распоряжение.

Небольшое изменение. Достаточное, чтобы заметить. Недостаточное, чтобы доверять.

В кабинете меня ждали Тамара Шихова и главный бухгалтер Вера Лукина. На счетах было семь миллионов двести тысяч, завтра ожидалось еще миллион восемьсот за сервис. «СеверТорг» задолжал четыре миллиона. Я распорядилась предложить ему скидку в сорок тысяч за оплату до следующего вечера и потребовала расчет закрытия арендованного офиса продаж без сокращения пяти сотрудников.

— Вы обещали график зарплаты к среде, — напомнила Тамара.

— Обещание действует. Часть выплат проведем завтра после поступления сервиса. Остаток — до пятницы, если платит «СеверТорг». Если нет, в среду покажу резервный вариант и его цену.

— Рабочие уже знают про неисправность. Говорят, новый директор остановила отгрузку и теперь холдинг точно продаст землю.

Скрывать известный всем вариант не имело смысла.

— В шестнадцать соберите начальников смен и представителей участков. Я объясню срок моего договора, даты и критерии решения.

— Соколов разрешит?

— Разговор с сотрудниками входит в мои обязанности. Условия банка и клиента останутся закрытыми.

После ее ухода я позвонила Юрию Светлову из «Меридиана». Мы не были знакомы лично. Его номер стоял в договоре рядом с правом приостанавливать приемку и требовать независимую экспертизу.

— Светлов слушает.

— Добрый день. Ирина Власова, временный генеральный директор «Арктона». Мы приостановили подготовку первой партии из-за отклонения на испытании шкафа управления.

На линии возникла пауза, затем Юрий спросил:

— Какого отклонения?

— Реле нового поставщика перегрелось и вызвало защитное отключение. Сейчас идет повторный тест и полная проверка количества компонентов. Подтвержден один отказ. Масштаб установки уточняем.

— Когда вы узнали?

— Отчет качества поступил совету вчера вечером. Я вступила в должность сегодня и остановила отгрузку в девять десять.

— Почему ваш завод не сообщил вчера?

— На этот вопрос у меня нет приемлемого ответа. Я вклю-

чу его в письменное уведомление.

— Первая приемка через тридцать девять дней.

— Да.

— У нас монтажные окна, подрядчики и продукты, которые должны храниться в этих камерах. Остановка вашей партии двигает не одну дату.

— Понимаю. К восемнадцати часам направлю подтвержденное количество, результаты двух испытаний и варианты замены. Завтра до полудня предлагаю провести видеовстречу с вашей технической службой.

— Не предлагайте вариант, в котором мы верим вашим внутренним тестам.

— Предложу внешнюю лабораторию и доступ к журналам.

— Тогда присылайте.

Он не угрожал судом и не повышал голос. Это было хуже удобного возмущения: клиент считал последствия и готовился защищать свой график.

Я продиктовала помощнице структуру уведомления, запретила использовать формулировку «единичный случай» и попросила юриста проверить сроки по договору. Затем позвонила Соколову.

— «Меридиан» уведомлен устно. Письмо уйдет после инвентаризации.

— Вы могли дождаться повторного теста.

— Могла. Тогда при подтверждении дефекта клиент

узнал бы, что мы потратили еще восемь часов.

— Если тест пройдет, вы сами создали задержку.

— Если пройдет, задержка составит день и будет обоснована контролем качества. Если нет, у нас сохранится возможность договариваться без обвинения в сокрытии.

— Совет спросит, кто санкционировал уведомление.

— Я.

— Это я и хотел услышать.

В четырнадцать десять Нина принесла итоговую таблицу. Из ста двадцати восьми выданных реле девяносто два уже стояли в шкафах: сорок восемь в готовых, сорок четыре в незавершенном производстве. Остальные тридцать шесть нашли в комплектовочных тележках. Двадцать шкафов действительно относились к пилотной партии. Семьдесят два собрали без утвержденного расширения пилота.

— Физически все сошлось? — спросила я.

— До последней штуки. Карты отстают, потому что комплектовщик выдавал наборы заранее. Вот накладные.

— Кто подписал замену кода в серийной спецификации?

— В распечатке стоит электронное согласование закупок и технолога. Подписи главного инженера нет.

— Имя технолога?

— Сергей Лаптев. Он сегодня на больничном, температура. По телефону сказал, что получил таблицу как утвержденную.

— Кто прислал?

— Нечаев.

Я открыла свойства файла. Текущая версия была создана десять дней назад под учетной записью Павла, но это доказывало только сохранение таблицы. Нужно было поднять версии, переписку и основание закупки.

— Никого не обвиняем до проверки, — сказала я. — Красные метки остаются на всех девяноста двух шкафах. Двадцать пилотных тоже не включаем в поставку, пока не получим тест.

Нина выдохнула через нос.

— Значит, сегодня ни одного шкафа не закрываем.

— Закрываем с проверенным реле, если такие есть в запасе.

— Старых осталось восемнадцать. Поставщик обещает следующую партию через три недели.

— Ищите остатки у сервисной службы и подтвержденные аналоги. Только через качество и техническое согласование. Никаких замен по телефону.

— Поняла.

Она забрала таблицу и у двери обернулась.

— Ваш план по передаче участка подрядчику еще действует?

Я не спросила, откуда она его видела. В материалах холдинга он занимал отдельный слайд.

— Это один из расчетных вариантов, не принятое решение.

— Подрядчик собирает за двенадцать дней после поставки деталей. Мы можем переделывать по двадцать шкафов за смену, если дадут людей и схему.

— Завтра покажете расчет.

— Покажу.

Она ушла, оставив мне неприятный, но полезный вопрос: сколько еще решений я считала очевидными, потому что смотрела на стоимость подразделения, а не на его способность вывести завод из сбоя.

В пятнадцать сорок температура тестового реле пошла вверх. Я увидела изменение на экране в кабинете и сразу позвонила в камеру.

— Фиксируем плюс семь к нормативу, — сообщил инженер. — Рост ускорился за последние двадцать минут.

— Михаил там?

— Подходит.

Я спустилась за четыре минуты. У входа уже стояли Полякова, Михаил и Нечаев. На мониторе линия поднялась выше предупредительной отметки.

— Монтаж проверен? — спросил Михаил.

— Дважды. Контакты затянуты по карте, питание стабильное, нагрузка расчетная, — ответил инженер.

— Тепловизор.

На изображении корпус реле выделялся ярким прямоугольником. Соседние компоненты оставались в норме. Через семь минут превышение достигло десяти градусов.

Защита отключила шкаф.

Инженер записал время: семь часов пятьдесят две минуты от начала испытания.

— Второй подтвержденный отказ, — сказала Полякова.

Нечаев заговорил первым:

— Нужно предъявлять претензию поставщику. Они дали ложные характеристики.

— Предъявим, — ответила я. — Но сначала установим, кто разрешил поставить триста двадцать реле при согласованном пилоте из двадцати.

— Закупка объема не равна установке.

— Семьдесят два шкафа уже собраны сверх пилота.

Он посмотрел на Михаила.

— Техническая служба видела спецификацию.

— Моя подпись стоит только на пилотном протоколе, — сказал Михаил. — Если найдете другую, приносите оригинал или электронный журнал.

Он остановился на проверяемом факте.

Я распорядилась снять реле после остывания, опломбировать его вместе с первым образцом и передать внешней лаборатории. Полякова должна была подготовить акт. Михаил — варианты безопасной замены с реальными сроками. Нечаев — договор, счета, переписку и все версии таблицы количества.

— До какого времени? — спросил Павел.

— До семнадцати тридцати. Уведомление клиенту уйдет

в восемнадцать.

— За полтора часа невозможно собрать переписку за месяц.

— Тогда передадите то, что есть, и письменный перечень недостающего с причиной. Исходные данные уже сохранены.

В шестнадцать я вышла к начальникам смен и представителям участков. Людей собрали в столовой, потому что актовый зал использовали под склад упаковки. Я сказала, что продажа площадки действительно рассматривается, решение будет принято первого октября, а моя задача — дать совету экономически проверяемый вариант сохранения производства. Объяснила, что отгрузка остановлена из-за подтвержденного дефекта, но остальные заказы идут. Назвала даты выплат и не стала обещать, что сокращений точно не будет.

— Значит, нас могут закрыть, даже если переделаем партию? — спросил мужчина из ремонтной службы.

— Могут, если завод продолжит терять деньги и банк потребует долг. Переделка партии сохраняет контракт. Затем придется доказать, что производство способно работать без постоянных кассовых разрывов.

— А землю уже кому-то обещали? — крикнули из заднего ряда.

Соколов, стоявший у стены, не вмешался.

— Совет получил предложение от девелопера, — ответила я. — Договор не подписан. Я покажу профсоюзу те рас-

четы, которые имею право раскрыть.

Люди не зааплодировали. Они переговаривались, задавали вопросы о сменах, зарплате и заказах. Так было честнее. Мне не требовалось понравиться им за двадцать минут. Требовалось сделать так, чтобы через неделю мои даты еще что-то значили.

В семнадцать двадцать Нечаев прислал архив. В нем были договор и счета на триста двадцать реле, но не было исходной таблицы, на основании которой объем внесли в закупочный план.

Я написала ему один вопрос: «Где версия до изменения количества?»

Ответ пришел через минуту: «Такой версии у меня нет».

Михаил принес журнал доступа к сборочному плану. Он остался у двери, пока я сравнивала даты.

— Здесь указано, что таблицу меняли под учетной записью Нечаева, — сказала я.

— Да. Но доступ к его компьютеру мог получить заместитель.

— Поэтому это еще не доказательство личного изменения.

— Я знаю.

Он положил рядом перечень аналогов. Два реле можно было получить у российских поставщиков в течение пяти и восьми дней, но первое стоило на сорок процентов дороже, второе требовало нового цикла испытаний.

— Есть третий вариант, — сказал Михаил. — Вернуть прежнюю модель. Восемнадцать штук у нас, еще сорок две нашел сервисный склад. Их держали для гарантийных ремонтов.

— Мы можем забрать весь гарантийный запас?

— Нет. Двадцать должны оставить. Сорок реле получим на первую часть поставки.

— Нам нужно минимум шестьдесят установок для частичной приемки.

— Значит, двадцать придется покупать дороже. Я подготовил расчет.

Он принес три варианта, риски и собственную рекомендацию отдельной строкой.

Я открыла расчет.

— Завтра обсудим с финансами и качеством. Сегодня отправляем клиенту подтвержденные данные: девяносто два шкафа под запретом, два отказа на одинаковом времени, безопасная замена в проработке.

— Он может расторгнуть договор.

— Может. Но если узнает о масштабе от своего аудитора, расторгнет почти наверняка.

Михаил кивнул.

— Согласен.

— Это не голосование.

— Я знаю. Просто согласен.

Письмо ушло в семнадцать пятьдесят восемь с моей элек-

тронной подписью. Через четыре минуты система подтвердила получение.

Утром у нас был один сбой и неизвестный масштаб. К вечеру — девяносто два запрещенных к отгрузке шкафа, два подтвержденных отказа и клиент, который ждал план к полудню следующего дня.

Я поставила встречу с «Меридианом» на девять утра и приложила к приглашению оба графика без сокращений.

ГЛАВА 3. Двадцать комплектов

В девять утра на экране переговорной появились шесть человек из «Меридиана». Юрий Светлов сидел ближе всех к камере, рядом с ним — юрист, инженер по эксплуатации и руководитель проекта. Еще двое подключились со складской площадки, где в октябре должны были монтировать наши холодильные камеры.

С нашей стороны пришли я, Михаил, Полякова, юрист завода и Нина. Нечаева я не позвала. До восстановления документов закупок он не должен был объяснять клиенту причины, которые мы сами еще не доказали.

— Начинаяте с масштаба, — сказал Юрий вместо приветствия.

Я вывела таблицу.

— Закуплено триста двадцать реле КР-17. На складе изолированы сто девяносто два, тридцать шесть находились в комплектовочных тележках. Девяносто два установлены в шкафах. Двадцать из этих шкафов входили в согласованный пилот, семьдесят два собраны сверх него.

— Сколько отказов?

— Два на двух разных образцах. Первый через семь часов сорок минут, второй через семь часов пятьдесят две минуты. Механизм одинаковый: рост температуры корпуса и отключение защиты.

Инженер клиента попросил исходные графики. Полякова открыла папку с выгрузкой, показала номера образцов и сертификаты поверки датчиков. Михаил объяснил схему нагрузки. Он говорил ровно столько, сколько спрашивали, и не называл предположения установленной причиной.

— Почему согласование пилота на двадцать единиц превратилось в серийную закупку? — спросил Юрий.

— Это проверяется, — ответила я. — Подтверждено следующее: договор с поставщиком заключен на триста двадцать реле, в серийной спецификации код изменен под учетной записью начальника закупок. Техническое согласование найдено только на двадцать комплектов.

— Когда получите ответ?

— Версии файлов и почтовый архив — сегодня. Письменные объяснения участников — до завтра. Заключение внешней лаборатории по реле ожидаем через двое суток.

Юрист клиента наклонился к микрофону.

— По договору вы обязаны уведомлять нас о существенном риске не позднее одного рабочего дня. Риск был известен вашему главному инженеру в субботу.

Я не посмотрела на Михаила.

— Он видел расхождение количества в сборочном плане. Результат первого отказа оформлен службой качества в воскресенье. Совет получил его вечером. Официальное уведомление направлено в понедельник. Мы не будем спорить, что сообщение могло поступить раньше.

— Вы признаете нарушение?

— Мы признаем фактическую последовательность. Юридическую оценку дадим после проверки.

Юрий постучал ручкой по столу.

— Что вы предлагаете вместо партии?

Михаил вывел три варианта. Сорок установок можно было собрать на прежнем реле из заводского и сервисного запаса. Еще двадцать — на более дорогом аналоге с теми же посадочными размерами, но после ускоренного испытательного цикла. Для остальных требовалась поставка в течение пяти дней и последовательная переделка.

— Ускоренный цикл сколько длится? — спросил инженер.

— Тридцать шесть часов под полной нагрузкой плюс четыре часа на осмотр и разбор данных, — ответил Михаил.
— Сокращать его ниже этого времени не рекомендую.

— Рекомендую? — переспросил Юрий.

— Не подпишу сокращение, — уточнил Михаил.

Мне потребовалось усилие, чтобы не повернуться к нему. Четыре года назад он тоже защищал людей и производство. Разница была в том, что тогда он считал свое решение достаточным для всех. Теперь он обозначил предел собственных полномочий при клиенте, который мог расторгнуть договор.

— Мы готовы изготовить шестьдесят установок для первой частичной приемки, — сказала я. — Дату назову после подтверждения поставщика аналога и загрузки участка. Ис-

пытания пройдут с вашим наблюдателем и внешней лабораторией. Все перезапуски и отклонения будут в общем журнале.

— А прежняя дата двадцать шестого сентября?

— Пока сохраняется как крайний срок первой приемки. Полный объем потребует дополнительного графика и штрафа.

— К пятнице пришлите календарный план, стоимость которого вы берете на себя, и проект дополнительного соглашения. До этого мы не расторгаем договор, но приостанавливаем подготовку площадки под вашу поставку.

Это означало, что у нас осталось три дня на план и чуть больше пяти недель на первую приемку. Клиент не простил нарушение и не закрыл дверь. Лучшего результата после двух отказов ждать не стоило.

— Принято, — сказала я.

После связи Юрист завода, Антон Чернов, первым собрал бумаги.

— Формулировку о фактической последовательности надо закрепить протоколом. И отдельное объяснение Власова по субботе.

— Подготовьте запрос, — ответила я. — Вопрос о его действиях пойдет через независимый комитет.

Михаил остался сидеть.

— Я напишу объяснение сегодня.

— Вам установят срок.

— Это не просьба избежать процедуры.

— Тогда передадите объяснение Оксане Редько после ее официального запроса.

Он поднялся. Нина уже дошла до двери, но вернулась к столу.

— Чтобы дать календарный план к пятнице, мне сегодня нужны люди и подтвержденные детали. Участок шкафов сейчас стоит на проверке. Если мы разбираем семьдесят два лишних шкафа, останвятся другие заказы.

— Сколько заказов попадает под риск? — спросила я.

— Три небольших. Отсрочка от двух до пяти дней. Штраф только в одном договоре, сто восемьдесят тысяч.

— К четырнадцати подготовьте два графика: с переносом и с дополнительной сменой. Без сверхурочной работы выше разрешенного предела.

— А ваш вариант закрытия участка?

— Пока исключен из оперативного плана. Но окончательное решение после расчета.

Нина кивнула, словно услышала ровно то, что ожидала от человека, которого считала ликвидатором.

В одиннадцать пришла Оксана Редько. Невысокая женщина в темно-синем костюме принесла опечатанные флеш-накопители и сразу попросила отдельный кабинет без доступа закупок. Она работала на совет, а не на меня, что устраивало нас обеих.

— Начнем с границ, — сказала она, включив диктофон

после моего согласия. — Вы не участвуете в решении о взыскании Власову. Можете ставить ему производственные задачи и оценивать риск для контракта. Все личные сведения, не относящиеся к работе, остаются вне материалов.

— Согласна.

— Нечаева до завершения проверки не отстраняем автоматически. Ограничиваем доступ на изменение спецификаций и договоров, сохраняем зарплату и получаем объяснение. Есть основания считать, что он может удалить данные?

— Резервные копии уже сняты. Вчера он передал архив без исходной версии таблицы и написал, что ее у него нет.

— Это основание сохранить носители, но пока не основание обвинять его в уничтожении. Кто администрирует систему?

— Холдинг. Локальный специалист имеет ограниченный доступ.

— Запрошу журнал у холдинга. Вы хотите присутствовать при опросах?

— При опросе Нечаева — да, как руководитель. При опросе Михаила — нет. Получу протокол в части, касающейся производства.

Оксана сделала пометку.

— Разумно. Еще вопрос: вы намерены увольнять главного инженера независимо от результата?

— Нет.

— Оставлять независимо от результата?

— Тоже нет.

— Тогда конфликт управляем.

Она говорила сухо, без попытки поддержать меня. После нескольких дней на заводе это действовало почти успокаивающе.

Мы пригласили Нечаева. Павел вошел с адвокатом, которого успел найти за утро. Я не возражала. Внутренняя проверка не была следствием, но последствия могли стоить ему должности.

Оксана объяснила права и предмет разговора. Нечаев положил перед собой блокнот, хотя ничего в него не записал.

— Кто принял решение купить триста двадцать реле? — спросила я.

— Закупочный комитет. Протокол в архиве.

— В протоколе указана рамочная закупка после успешного пилота. На момент договора пилот не завершен.

— Поставщик держал цену до конца месяца. Прежний директор потребовал экономию восемь процентов по комплектующим.

— Есть распоряжение?

— На совещании.

— Протокол совещания?

— Не велся.

Оксана не вмешивалась, пока я задавала вопросы в пределах производства.

— Кто изменил количество в серийной спецификации?

— Файл сохранен под моей учетной записью. Таблицу готовил отдел.

— Назовите сотрудника.

— Мы работали совместно. Не помню, кто именно правил строку.

— Вы проверили таблицу перед отправкой технологу?

— Проверил показатели экономии.

— Количество?

— Оно соответствовало закупочному плану.

— То есть триста двадцать?

— Да.

— Тогда почему вчера вы сказали, что закупка объема не равна установке?

Он наконец открыл блокнот.

— Потому что не закупки решают, что ставить в шкафы. Мы обеспечиваем наличие.

— Кто направил технологу таблицу как утвержденную?

— Я отправил рабочий файл. Утверждение должно было пройти техническую службу.

— Где отметка о необходимости согласования?

— В обычном порядке она не нужна. Технолог знает процедуру.

Нечаев отвечал аккуратно. Каждое отдельное действие выглядело обычным: договорился о цене, закупил запас, отправил таблицу. Цепочка приводила к семидесяти двум шкафам без технической подписи, но он разрезал ее на участки

и объявлял каждый чужой ответственностью.

— Ваш годовой показатель зависит от экономии? — спросила Оксана.

— Как у любого руководителя закупок.

— Премия за полугодие начислена?

— Да.

— В расчет вошла эта закупка?

Павел посмотрел на адвоката. Тот тихо сказал, что ответить можно.

— Вошла.

— Сколько?

— Сто восемьдесят семь тысяч рублей до удержаний.

Оксана записала сумму.

— До завершения проверки доступ на изменение спецификаций и заключение новых договоров передается вашему заместителю с двойным согласованием. Вы продолжаете исполнять остальные обязанности. Распоряжение получите сегодня.

— Получается, меня уже признали виновным.

— Нет, — ответила она. — Мы исключили возможность изменения предмета проверки. Оценка будет после журналов версий и объяснений.

Когда Нечаев вышел, я попросила Оксану отдельно проверить премиальное положение. Экономия сама по себе не доказывала умысел, но объясняла, почему цена могла стать важнее пилота.

В обед поступили деньги за сервис. Бухгалтерия начала частичную выплату зарплаты по согласованной очередности. Я спустилась в столовую за десять минут до закрытия и увидела Михаила за столом с двумя инженерами. Свободные места были только рядом с ними и у окна возле мусорных контейнеров.

Я выбрала окно.

— Ирина, — позвала Нина из очереди. — Садитесь к нам, здесь сейчас освободят.

За ее столом сидели мастера участка. Я приняла приглашение. Отказываться из-за присутствия бывшего мужа значило бы превратить обычный обед в заявление, которого никто не просил.

Михаил закончил разговор о поставщике и подвинул сахарницу, освобождая мне место для подноса. Я пила чай без сахара последние восемь лет. Он вспомнил это и убрал сахарницу на другой край стола, ничего не сказав.

— Первый платеж людям прошел? — спросила Нина.

— Да. Остаток зависит от дебиторской задолженности. В среду дадим точный график.

— Вторая смена спрашивает, будут ли оплачены часы на разбор шкафов.

— Все фактически отработанное время. Дополнительные часы только по письменному графику и в допустимых пределах.

Мастер рядом с Ниной сказал:

— Тогда быстрее двадцати шкафов в смену не получится.

— Мне нужна честная скорость, а не цифра для совета.

Михаил поднял взгляд от тарелки.

— Для шестидесяти установок нужен отдельный стенд контроля. Старый можно вернуть из ремонтной зоны за день.

— Кто им сейчас пользуется?

— Сервис. У них три гарантийных заказа.

— Значит, сначала график, потом перенос. Не забирайте стенд до согласования с сервисом.

— Понял.

Нина перевела взгляд с него на меня.

— Вы всегда так разговаривали?

— На работе, — ответила я.

— Дома было короче, — сказал Михаил.

Инженеры рассмеялись, Нина тоже. Я посмотрела на него и обнаружила, что не злюсь. Шутка не требовала ответа и не делала вид, будто развод был пустяком.

— Дома не составляли протокол, — сказала я.

— В этом и была ошибка, — отозвался он.

Смех оборвался. Михаил не отвел глаза, но и не стал продолжать. Он выбрал неудачное место для точной мысли. Я закончила чай и вернулась к работе.

К шестнадцати холдинг передал журнал версий. Мы открыли его вместе с Оксаной и системным администратором. Исходная таблица существовала. В ней напротив КР-17 сто-

яло количество двадцать и пометка «пилот, серийное применение после акта». Через три дня файл изменили под учетной записью Нечаева: двадцать превратились в триста двадцать, пометка исчезла. Еще через час Павел отправил таблицу технологу.

Системный администратор показал цифровой след входа.

— Авторизация с рабочего компьютера Нечаева. Карта доступа подтверждает, что он вошел в кабинет за пять минут до изменения и вышел через сорок семь минут.

— Мог ли кто-то работать за его компьютером? — спросила я.

— Теоретически да. Но вход в систему выполнен его паролем после блокировки. Камеры в кабинете нет.

Оксана сохранила выгрузку на два накопителя и оформила акт.

— Этого достаточно, чтобы требовать новое объяснение, — сказала она. — Для вывода нужны переписка, технолог и прежний директор.

Я смотрела на две строки таблицы. Двадцать и триста двадцать. Одно число превратилось в другое за несколько нажатий клавиш, но само изменение не заставило склад выдать реле, технолога принять файл, производство собрать шкафы, а качество пропустить карты. Ошибка прошла через систему, потому что каждый проверил только свой участок.

Четыре года назад мой план тоже потерял ограничения между домашним компьютером и заседанием совета. Тогда

все смотрели на результат, который хотели получить, и никто не спросил, кто имел право менять исходные условия.

— Разделяем проверку, — сказала я Оксане. — Вы ведете действия Нечаева и премию. Полякова проверяет маршрут документа и контрольные точки. Михаил отвечает только за техническую часть: где должна была появиться его подпись и почему отсутствие не остановило производство.

— Согласна, — ответила Оксана. — И еще одно. Вы не должны обсуждать с Михаилом его объяснение вне официальной процедуры.

— Не буду.

— Даже дома.

— Мы три года не живем вместе.

Она спокойно выдержала мой взгляд.

— Я знаю. Но у вас общий ребенок и личный канал связи. Я обязана назвать границу.

— Граница понятна.

Вечером Михаил прислал короткое сообщение не в рабочую почту, а в наш семейный чат с Асей: «Заберу ее с занятий в девять. По работе не пишу».

Я ответила: «Хорошо. Завтра она у меня».

Две темы, два канала, ни одной попытки использовать дочь как повод продолжить разговор.

В рабочей почте лежал его технический отчет. Первая строка называла факт: серийная спецификация не содержала обязательного поля подписи главного инженера. Вторая

— его ответственность: он знал об этом пробеле с прошлого года и не добился изменения формы, потому что считал устное согласование достаточным.

Я переслала отчет Поляковой и Оксане без комментария и назначила на утро разбор маршрута согласования. Первым пунктом стоял вопрос, почему серийная форма позволяла запустить семьдесят два шкафа без новой технической подписи.

ГЛАВА 4. Ликвидатор

Слово «ликвидатор» появилось на воротах в среду утром.

Его написали черным маркером на распечатанной фотографии, приклеенной поверх объявления о встрече с профсоюзом. На снимке я стояла у экрана, за моей спиной был виден слайд с заголовком «Сценарий 3. Прекращение производства и реализация площадки». Снизу кто-то добавил: «Она уже все решила».

Фотографию сделали не в заводской столовой. На мне был серый пиджак, который я надевала два месяца назад на заседание инвестиционного комитета в Москве. Тогда холдинг рассматривал четыре предприятия, и «Арктон» был одним из них. Мой доклад действительно содержал расчет продажи земли.

Рядом с фотографией висел список утренней смены. Люди проходили через турникет, читали надпись и смотрели на меня без попытки скрыть интерес.

Охранник потянулся сорвать лист.

— Оставьте, — сказала я. — Только снимите копию для проверки камер.

— Тут про вас написано.

— Я вижу.

— Так рабочие сейчас разнесут по телефонам.

— Уже разнесли.

В заводском чате, который мне показала помощница, фотография набрала больше ста просмотров за двадцать минут. Под ней спорили, зачем я остановила отгрузку и почему холдинг назначил директором человека, который заранее считал продажу.

Я дошла до кабинета, открыла исходную презентацию и проверила номер слайда. На фотографии отсутствовала правая часть таблицы, где были условия каждого сценария. Для сохранения завода требовались контракт, реструктуризация долга и сокращение постоянных расходов. Для продажи — отказ клиента, требование банка и независимая оценка земли. Я готовила оба расчета, потому что именно за это мне платили.

Обрезанный кадр доказывал не злой замысел, а то, что я делала свою работу. Объяснить это людям, которым двенадцать дней не платили зарплату, было сложнее.

Соколов приехал через сорок минут.

— Слайд получили девять руководителей холдинга и вы, — сказал он. — Внешних адресов в рассылке нет.

— На встрече были помощники, юристы и техническая служба. Искать одного виновного неделю бессмысленно. Кто снял фотографию, установят камеры, если она сделана в здании.

— Вы хотите выступить перед людьми?

— В одиннадцать.

— Лучше дать письменное сообщение. Собрание может

превратиться в спор.

— Оно и должно быть спором. У людей есть вопрос, на который нужен ответ руководителя.

— Ответ «продажа остается вариантом» их не успокоит.

— Другого ответа нет.

Соколов прошел к окну. На площадке между цехами собиралась первая смена участка шкафов. Работники ждали распределения задач: часть готовых изделий нужно было разобрать, но новый график еще не утвердили.

— Совет не любит публичных обещаний, — сказал он.

— Я не обещаю сохранить завод независимо от цифр. Выложу критерии и ежедневный статус. Если совет возражает против прозрачности, пусть укажет, какую правду считает коммерческой тайной.

— Вы быстро освоились в этом кресле.

— Я слишком долго сидела с другой стороны стола.

Он не стал запрещать встречу. Вместо этого попросил заранее прислать ему перечень показателей, которые я собиралась раскрыть.

До одиннадцати нужно было закончить график зарплаты. «СеверТорг» согласился оплатить долг со скидкой и прислал платежное поручение. Деньги ожидались на следующий день. Возврат депозита за офис продаж занимал десять рабочих дней, но арендодатель согласился зачесть последний месяц и вернуть остаток после приема помещения. Сервисные платежи, дебиторская задолженность и небольшая кре-

дитная линия холдинга позволяли закрыть задержку к пятнице.

Тамара Шихова проверила расчет вместе с бухгалтерией.

— Если «СеверТорг» не платит завтра, второй части не будет, — сказала она.

— Тогда холдинг перечисляет резервный заем на три миллиона. Соколов подтвердил лимит письменно.

— А потом завод должен еще и холдингу.

— Да. Бесплатных денег нет. Заем погашается из первого платежа «Меридиана», если контракт сохраняется. В ежедневной таблице покажем его отдельно.

— Вы правда хотите выкладывать долги каждый день?

— Не каждый счет. Остаток зарплаты, объем производства, число проверенных шкафов, статус клиента и ближайший срок.

Тамара постучала ногтем по строке резерва.

— Я хочу представителя профсоюза на совещаниях по этому плану.

— На тех, где обсуждают численность, оплату и график смен. Технические данные клиента и цены поставщиков останутся в закрытой части.

— Кто решает, что закрыто?

— Договор и закон. Если я откажу без основания, напишете это в своем сообщении людям.

— Вы любите оставлять другим право жаловаться на вас.

— Оно у них есть и без моей любви.

В столовую пришло около ста двадцати человек. Остальные смотрели трансляцию на экранах в цехах. Я попросила не ставить сцену и встала у того же стола, где два дня назад отвечала на вопросы начальников смен. Фотографию вывели на экран полностью, без черной надписи.

— Этот слайд настоящий, — начала я. — Я подготовила его для холдинга в июне. На нем четыре сценария. Один — продажа площадки после прекращения производства. Другой — сохранение завода при выполнении трех условий.

Из середины зала спросили:

— Почему тогда вас поставили директором? Чтобы самим не закрывать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.